

Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда

ГРЭМ ХАРМАН

Профессор, факультет философии, Американский университет Каира (AUC).
Адрес: AUC Ave., P. O. Box 74, 11835 New Cairo, Egypt. E-mail: gharman@aucegypt.edu.

Ключевые слова: ассамбляж; катализ; виртуальное; сеть; актер; плоская онтология.

Статья посвящена сопоставлению философии Мануэля Деланда и Бруно Латура на почве реализма и реабилитации вещей. Автор начинает с представления этих фигур, чтобы затем перейти к изложению и сопоставлению их позиций. Реализм находится если не в упадке, то на периферии философского мейнстрима, и Деланда — один из немногих его сторонников. Латур, хотя и не является реалистом, примечателен своим вниманием к объектам и их активности. Свою же позицию автор квалифицирует как «реалистический формализм».

Представление философии Деланда автор начинает с изложения пяти базовых компонентов его онтологии. Помимо реализма, это антиэссенциализм, номинализм и историзм вида и виртуализм рода, теория катализа и нелинейная причинность, четырехчастность мира. Последняя конституирована осями

материальное — экспрессивное и территориялизация — детерриторизация. Критически оценивая реалистическую традицию, Деланда выдвигает в противовес оппозиции субстанции и агрегата понятие ассамбляжа. Этот центральный концепт его построений задается теорией части и целого. Идеи Латура излагаются и сопоставляются автором с философией Деланда по тем же пяти пунктам. По мнению автора, ему не хватает общей теории причинности. С Деланда они расходятся в вопросах реализма и виртуальности: Латур — чистый актуалист. Завершается обзор мысленным экспериментом. Автор предпринимает попытку очертить возможное будущее, в котором идеи Латура и Деланда стали мейнстримом философии. Это было бы господство реалистических «плоских онтологий», ахиллесовой пятой которых стала бы именно теория причинности.

БРУНО Латур и Мануэль Деланда не остались неизвестны современной философии. У обоих авторов в разных странах есть много последователей, и их можно с уверенностью назвать знаменитыми, хотя иногда мне и приходилось объяснять друзьям, в остальном знакомым с последними философскими веяниями, кто они такие. Однако даже для тех, кто знаком с их книгами, Латур и Деланда обычно остаются интересными фигурами где-то на обочине нынешних дискуссий. К сожалению, никто из них не возглавляет чего-то вроде международной философской школы в отличие от других представителей их поколения¹. Актеры, ассамбляжи, или «объекты», как мы будем называть их, заслуживают права стать ареной битв первой философии. Это все еще может случиться, раз человеческий субъект вместе со всеми его явными и завуалированными формами исчерпал последние оставшиеся варианты преобразования и окончательно теряет свой статус Императора философии.

Бруно Латур долгое время ассоциировался со школой *акторно-сетевой теории*. При всей ее международной известности в социологии, антропологии и исследованиях науки влияние этой теории на философию стремится к нулю. После сотен работ о философии Жака Деррида и дюжин о Жиле Делёзе, боюсь, нет ни одной работы, посвященной Латуру как философу. Если философы вообще упоминают его, то в рубрике «философия науки», что почти так же вводит в заблуждение, как и квалификация Бергсона как «философа биологии» или Шопенгауэра как «философа искусства». Предполагаемая латуровская философия науки на деле является общей метафизикой акторов, которые сходятся и борются в сетях, даже оставаясь частично отделяемыми от них. Это не моя личная вымученная интерпретация: Латур сам предпочитает числиться по ведомству метафизики, и требует самый минималь-

Перевод с английского *Александра Писарева* по тексту доклада, прочитанного 20 апреля 2007 года в Голдсмитском колледже (Лондон). Публикуется с любезного разрешения автора.

1. Мануэль Деланда родился в 1952 году, Бруно Латур — в 1947 году. — *Прим. пер.*

ный перевод, чтобы переформулировать его идеи в более знакомых философских терминах, если это будет необходимо.

В книге Мануэля Деланда «Новая философия общества»² его позиция обозначена как *теория ассамбляжа*, а его почитатели находятся чуть ближе к профессиональной философии. Если у Деланда и есть какие-то недоброжелатели, то даже они признали бы, что стиль его письма отвечает стандартам ясности изложения, устанавливаемым аналитической философией. Было бы невозможно охарактеризовать его как «нефилософского» автора, и я сомневаюсь, что кто-нибудь вообще пытался. Подобно Латуру, он пришел к онтологии неортодоксальным путем; в обоих случаях *curriculum vitae* необычен для философа. Однако они оба изолированы от магистральных философских дискуссий двумя разными механизмами. У Латура уже есть тысячи читателей, действительно *согласяющихся* с его точкой зрения. Они просто не являются профессорами философии, и его идеи вызывают восхищение или отвергаются в качестве чего-то иного, нежели философия. Напротив, Деланда не просто читают философы — его обычно читают среди барабанов бонго и фимиама самых модных божественных кругов в профессии. Это странно не только из-за лабораторной точности его стиля (по сравнению с длинными, покрытыми граффити стенами его предшественника Делёза), но и потому, что Деланда открыто называет себя *реалистом*. И если сам он у кого-то популярен, то реализм вышел из моды почти везде, даже среди его читателей.

Еще пара слов о реализме. Насколько мне известно, Бруно Латур никогда не называет себя реалистом и, вероятно, отверг бы этот ярлык (если его вообще когда-либо к нему применяли). Однако и теория ассамбляжа Деланда, и акторно-сетевая теория Латура отсылают к большим объединениям объектов, взаимодействующих, даже будучи отделимыми от соединений, в которых они участвуют. Оба — антикоперникианцы, отрицающие сколько-нибудь значимый разрыв между людьми и миром, и оба также стараются избежать псевдореволюции, отрицающей такой разрыв, просто превращая людей и мир в равноправных партнеров. Иными словами, оба вносят вклад в то, что я назвал бы объектно-ориентированной онтологией. Пусть «объект» обозна-

2. DeLanda M. A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity. L.: Continuum, 2006. Рецензию на эту книгу см. в: Майорова К. Ассамбляжи на плоскости: минимализм в социальной теории // Логос. 2017. Том 27. № 1. — Прим. ред.

чает любую единую реальность — будь то атомы, овощи, нации или песни, — подвергающуюся изменениям или поддерживающую множество представлений, оставаясь при этом все той же. Понижаемый так объект был трагическим персонажем философии со времен Канта и практически исчез, уступив навязчивой философии доступа, которая никогда не позволяет миру взаимодействовать *с самим собой* даже когда ложно утверждает, что оставила субъект-объектный спор позади. Объектно-ориентированная философия пытается исправить эту несправедливость, возвращая объекты в центр философии, где они пребывали когда-то в образе субстанции или монады. Как бы то ни было, мы должны избегать ограничения объектов вещами природы, как это делали ранние философии субстанции. Подводные лодки являются объектами не меньше, чем рыба, а искусственно полученный плутоний — такой же объект, как естественный уран. Далее я кратко рассмотрю вклады Деланда и Латура в объектно-ориентированную метафизику (на этот раз в алфавитном порядке), завершив рассмотрение некоторыми соображениями о долгом пути, ждущем впереди этот стиль философии. В случае Деланда я сосредоточусь на книге «Новая философия общества», где он говорит полностью от своего имени и уделяет меньше внимания некоторым, скорее, делёзианским темам его предыдущей книги³.

Реализм и его альтернативы

В первом параграфе «Интенсивной науки и виртуальной философии» Деланда делает откровенное заявление:

Есть философы, предоставляющие реальности полную независимость от человеческого разума, пренебрегая различием наблюдаемого и ненаблюдаемого. <...> Эти философы строят реалистическую онтологию. Делёз является таким реалистическим философом, что само по себе должно отличать его от большинства постмодернистских философий, остающихся в основном антиреалистическими⁴.

Такое толкование разделяют отнюдь не все члены делёзианского сообщества; впрочем, меня здесь интересует вовсе не Делёз. Интересует меня свойственное многим инстинктивное отвращение к слову «реализм». Как ярко описывает Деланда, «десятилетиями

3. DeLanda M. Intensive Science and Virtual Philosophy. L.: Continuum, 2002.

4. Ibid. P. 4.

признать кого-то реалистом значило признать его хулиганом-недорослем»⁵. Употребление здесь прошедшего времени, возможно, слишком оптимистично, поскольку во все не очевидно, что эти десятилетия прошли. Когда континентальная философия начала в середине 1990-х годов переход от декадентского финала исследований Хайдеггера — Деррида к новейшей смеси Делёза, Жижека и Бадью, реализм не потерял среди читателей свой статус насильника. Толкование Делёза как реалиста поражает меня как вероятное, но уж точно не как *очевидное* — во всяком случае реализм точно не является причиной популярности Делёза. В случае Жижека и, возможно, даже Бадью реализм в какой-то степени оказывается наивным врагом, подвергающимся атаке, если реализмом называть любую философию, в которой есть реальные вещи и отношения между ними, независимые от всякого присутствия мысли или субъекта (привязаны или нет эти термины к человеку). Это ставит Деланда в странную позицию модного автора с очень немодной теорией.

Недавняя предвзятость против реализма понятна. Определяется ли философия как чудо, *Angst* или что-то менее драматичное, она, как предполагается, обещает опрокинуть здравый смысл и дать расцвести причудливым цветам. К сожалению, наиболее ассоциируемая со здравым смыслом точка зрения — это, как правило, реализм или, еще хуже, «наивный реализм» (словосочетание, в котором прилагательное «наивный», предположительно, все решает за наше мышление). Настоящими философами считаются те, кто раздвигает границы смелыми концептуальными авантюрами, в то время как на долю реалиста выпадает роль мрачного Инквизитора. Это безрадостная властная фигура, раздающая философам подзатыльники всякий раз, когда они забредают слишком далеко и теряют из виду факты. К реализму относятся как к скорее исправительной, чем предприимчивой силе, находящейся с философией в тех же отношениях, что санитарная инспекция — с ресторанами. Его задача — предостеречь философию от выхода за пределы приемлемого поведения; вся творческая энергия, как предполагается, остается за этими пределами.

Иногда такую критику реализма можно найти даже среди тех, кто называет себя материалистами. Жижек — выдающийся пример, ведь антиреалистский характер его взглядов столь же очевиден, как и периодические отрицания им этого. Поскольку он бесконечно апеллирует к своему чистому философскому эросу и отвязному характеру игрока, мы можем полностью отвергать

5. Из личной беседы (30 января 2007 года).

его взгляды, оставаясь при этом под впечатлением от их откровенной дерзости. Здесь я буду цитировать Жижека, не пародируя его манеру, как бы весело это ни было. В беседах с Глином Дейли он утверждает, что «Кант был первым философом»⁶, закономерно ожидая возмущения историков, но при этом он, как кажется, убежден, что только заплесневелые профессора могут чувствовать хоть какую-то ностальгию по докоперникианской философии. (Показательно в этом отношении полное отсутствие у него интереса к Альфреду Уайтхеду.) Далее Жижек утверждает, что философы спрашивают не «Какова структура всего?», а «Какие понятия ученый всегда уже должен предположить, чтобы сформулировать вопрос?» По его словам, «философия — это не „я, философ, верю в определенную структуру вселенной и т. д.“, а исследование предварительных условий — даже для повседневной жизни»⁷. И наконец, в момент нескрываемой контринтуитивной дерзости Жижек заходит настолько далеко, что предлагает идеалистический материализм. В его описании

...истинная формула материализма не в том, что есть ноуменальная реальность по ту сторону нашего искажающего восприятия. Единственная последовательная материалистическая позиция заключается в том, что мира не существует... Понятие мира как реальной вселенной *предполагает внешнего наблюдателя*, не включенного в нее⁸.

В противовес этому мнению мы должны настаивать, что Кант *не был* первым философом, что философы спрашивают «Какова структура всего?», что их утверждения *следует* резюмировать как «Я, философ, верю в определенную структуру вселенной» и что понятие мира как реальной вселенной *не* предполагает внешнего наблюдателя. Короче, я буду противостоять не только идеализму, но и его ослабленной версии, метко названной Квентином Мейясу «корреляционизмом»⁹. Корреляционисты — это философы, считающие, что бессмысленно размышлять о людях помимо мира или о мире помимо людей, что мыслить о них можно только в корреляции или связи между ними. До сих пор я, пожалуй, оставался в интеллектуальной компании Мануэля Деланда, являющегося, быть

6. Žižek S., Daly G. Conversations With Žižek. Cambridge: Polity Press, 2004. P. 26.

7. Ibid. P. 25–26.

8. Ibid. P. 97. Курсив мой. — Г. Х.

9. Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015.

может, единственным полноценным реалистом среди континентально ориентированных философов своего поколения¹⁰.

Что же касается акторно-сетевой теории Латура, то в некоторых отношениях она вообще не похожа на реализм. Хотя конструктивизм Латура — это не специфически антропоцентричная форма социального конструктивизма, он может оказаться тесно связанным с человеческими наблюдателями, даже когда объекты сталкиваются и сопротивляются. Латур определенно не является поклонником скрытой сущности, и в этом смысле я защищаю более «наивную» позицию, чем у Деланда и Латура. Но он вдохновляет тем достоинством, которым он наделяет объекты. В действительности, как замечал Латур в недавних работах, это равнозначно тому, что объекты или акторы используются *против* материализма. Для Латура все объекты находятся на одном уровне: химикаты, армии, корпорации и идеи. Тот факт, что все уровни одинаково реальны, означает, что материализм тотчас отпадает; философия больше не окропляет святой водой дом с привидениями, чтобы убить всех призраков. Что важнее, как гордо заявил Жижек, материализм на самом деле *является* формой идеализма. Он заменяет таинственную вещь, постижимую лишь частично, на довольно ограниченную концептуальную модель того, что воплощает эта вещь, а именно: некий вариант физической материи, занимающей место в пространстве и времени. Вместо жижекковского идеалистического материализма я буду защищать реалистический формализм — «формализм» не в смысле математической формализации, а в смысле Френсиса Бэкона, когда формы скручены и сжаты как пружины внутри самих вещей. Это модель, в которой мир до краев наполнен призрачными сущностями, входящими в сети и ассамбляжи, но только очень узкими путями. Способ сообщения между этими призраками, вероятно, центральная проблема объектно-ориентированной философии, как то было для любой формы окказионализма: и у религиозных арабов с картезианцами, и у вольнодумцев-скептиков, их тайных родственников.

Онтология Деланда

Первые две главы новой книги Деланда представляют онтологию настолько ясно, насколько вообще можно ожидать. На мой взгляд, эту онтологию можно разобрать на пять ключевых аспектов; остальные производны от них:

10. DeLanda M. A New Philosophy of Society.

1. Деланда, очевидно, *реалист*, до сих пор один из немногих признанных реалистов, работающих ныне среди нас. Философия занята не человеческим доступом к миру, а самим миром. Если Жижек занимает одну откровенно крайнюю позицию в современной философии, то Деланда — другую. Конечно, ту, к которой склоняюсь и я сам.
2. Деланда противостоит понятию сущности. Хотя я бы предпочел защитить это понятие, Деланда в значительной степени сохраняет те аспекты сущности, которые стоит сохранить, правда, под другими именами.
3. Деланда вводит абсолютное разделение видов и родов. Для него это не просто относительные термины, зависящие от того, к чему обращаются в цепи ассамбляжей. Они обозначают две разные онтологические структуры. Вид — это всегда некоторый индивид, а род обладает *виртуальной* структурой и отсылает к топологическим «степеням свободы», разворачиваемым различными способами разными видами. Виртуальное играет более значимую роль в его книге о Делёзе, чем в последней работе, но в некоторых отношениях эта роль определена в новой книге лучше.
4. Деланда кратко развивает теорию *катализа* в противоположность механической причинности. Вместо причин, каждый раз ведущих к одним и тем же следствиям, Деланда указывает на случаи, где причина просто служит *катализатором* чего-то, не запуская его автоматически. Впрочем, он допускает, что линейная причинность есть, просто отрицает ее монополию в мире.
5. Деланда организует мир по двум осям. Он кратко упоминает третью ось, но подробно не описывает ее, и для меня не очевидно, что она принадлежит тому же уровню, что и две другие. Первая ось — различие между материальным и экспрессивным, вторая — знакомая пара *территоризации* и *детерриторизации*. Пересечение двух осей всегда дает четырехчастную структуру, и здесь Деланда не одинок: кроме Аристотеля и Иоанна Скота Эриугены, четверные онтологии можно найти у Мартина Хайдеггера, Френсиса Бэкона, раннего Шопенгауэра, Маршалла Маклюэна, в известном эссе Алена Бадью «О вычитании»¹¹, у ряда алхимиков и фигур нью-эйджа.

11. См.: Badiou A. Theoretical Writings. L.: Athlone, 2004. Ch. 9.

Все вместе эти пять принципов задают одну из самых прозрачных и амбициозных философий нашего времени. Далее я раскрою каждый из принципов и кратко разберу позицию Латура по тем же пунктам¹².

А. Реализм

Деланда заявляет, что он реалист, и на самом деле им является. Описанные в его книге структуры не требуют присутствия человеческого субъекта, будь то голое картезианское *cogito* или более яркий, определяемый языком и властью субъект. Хотя Деланда не предлагает никаких «доказательств» реализма, считайте меня одним из тех, кто не видит в них особой нужды. Наоборот, бремя доказательства лежит на идеалистах и корреляционистах с их невероятным взглядом, предполагающим, что мир можно свести к голограмме. Греющее нас солнце и поражающая нас болезнь сводятся к их явлению в сознании, а сопротивление мира подменяется переживанием сопротивления в наших умах. Это подходит интеллектуальному *Zeitgeist* лучше, чем предельный реализм. Но всегда можно, ничем не рискуя, пренебречь *Zeitgeist*, способным легко измениться всего за 3–4 года. Идеализм и корреляционизм по своей сути настолько неубедительны, что я уверен: их поддерживают в первую очередь потому, что реализм скучен и обрекает нас на измерение физических параметров серых комков материи, лишая философию воображения. Все, что нам нужно, — это снова сделать реализм странным (*weird*), обеспечив ему таинственное и парадоксальное будущее, и корреляционистская перспектива тотчас потеряет значительную часть своей привлекательности.

Задача в таком случае — избежать не реализма как такового, а старомодного реализма и его ловушек. Главная из них — произвольное разделение между естественной субстанцией и искусственным агрегатом, обнаруживаемое в великой традиции реализма от Аристотеля до Готфрида Лейбница. И субстанции, и агрегату Деланда противопоставляет свой центральный концепт — *ассамбляж*. Слово «ассамбляж» обозначает все реальные объекты, включая людей, камни, рынки зерна и национальные государства. Если

12. Подробнее я рассматривал идеи Латура в других статьях, а также в посвященной ему книге (*Harman G. Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics. Melbourne: re:press, 2009; см. перевод фрагмента в: Харман Г. Государь сетей: Бруно Латур и метафизика // Логос. 2014. № 4 (100). С. 229–248*).

каждый ассамбляж определяется как индивид, то каждый ассамбляж производится из доиндивидуальных компонентов. Это иллюстрируют многочисленные наблюдения. В первую очередь, возникновение должно быть реальным. Если ни атомы, ни естественные виды не получают привилегий, то нет смысла заявлять, что атомы реальнее атомных бомб, Манхэттенского проекта или, может быть, войны в целом. Это не значит, что нет таких вещей, как простые агрегаты. Скорее всего и по большей части, мы бы не стали заявлять, что существует реальный ассамбляж, сформированный Тихим океаном, Гельмутом Колем и множеством всех монет и бобов, которые когда-либо существовали и будут существовать. Можно было бы придумать причудливый сценарий, по которому этот странный ассамбляж мог бы обрести силу в мире, но для него потребовались бы значительные научные и механические усилия — и это доказывает, что такой ассамбляж еще не существует. Тот факт, что множество странных ассамбляжей могут стать реальными, не должен скрывать от нас, что они *сейчас* не реальны.

Деланда предлагает критерии того, что производит реальный ассамбляж. Один из них — что ассамбляж способен задним числом влиять на свои части. Абсурдность ассамбляжа Океан — Эксканцлер — Монета — Фасоль, нелепость его как всего лишь плода воображения частично демонстрируется тем, что он не влияет на каких-либо своих участников. Напротив, реальные ассамбляжи — это Лондон или Каир, *Opus Dei*¹³, паучья паутина и Мальтийский орден. Ассамбляж вводит свои элементы в новые ситуации и отношения. Для Деланда эмерджентные качества — еще один знак того, что ассамбляж реален. *Opus Dei* способен на бичевания и отравления, на которые в одиночку решились бы лишь немногие из его членов. Еще можно говорить об «избыточной причинности», тоже являющейся для Деланда меткой реального ассамбляжа. То есть компоненты *Opus Dei* избыточны, коль скоро ни один член ордена, вероятно, не является незаменимым; его ритуальная тайная организация будет воспроизводиться с мрачным постоянством, от поколения к поколению, долгое время спустя после смерти его нынешних членов. Традиционный реализм допускал только два онтологических уровня: субстанцию и агрегат. Деланда допускает бесконечное число уровней и, возможно, бесконечный регресс или бесконечный прогресс разномасштабных ассамбляжей. Наконец, реализм Деланда кладет конец органической или диалектической модели взаимодействия между вещами. Не существует

13. Организация Римско-католической церкви, светский орден. — Прим. ред.

внутренних отношений между отдельными вещами. Отношения внешни по отношению к своим членам, как в известном высказывании Делёза. Органические и неорганические объекты свободно движутся из ассамбляжа в ассамбляж, иногда нисколько не меняясь. Автомобильные запчасти легко переставляются с одной машины на другую, а футболисты, переходящие из клуба в клуб, сохраняют большую часть своих качеств без изменений. С этим шагом прекращается власть взаимной негативности, ведь вещи определяются их собственной внутренней реальностью. В общем, если бы вещи сами по себе были одним бесшовным целым, было бы невозможно понять, как вообще может возникнуть что-либо новое, ведь целое не содержало бы про запас ничего, кроме текущего положения дел. Вещи вовлечены в обратные связи, а не сплавлены в единую массу. Отношения — это вопрос симбиоза, а не организма.

Б. Антисущность

Несмотря на реалистическую позицию, Деланда не верит в сущность. Легко понять, почему реализм и эссенциализм обычно идут рука об руку. Если реальность вещи независима от нашего доступа к ней, из этого ясно следует, что вещь обладает важными ключевыми качествами, не затрагиваемыми нашим взаимодействием с ними, в отличие от реляционных или случайных (акцидентальных) качеств, скользящих по ее поверхности. Это предполагает введенное Деланда различие между неотъемлемыми *качествами* и реляционными *способностями* вещи. Это кажется справедливым; под титулом «эссенциализм» он отвергает две важные цели. Более легкая цель — учение Платона о сущности: бестелесные формы, которым причастны многочисленные конкретные вещи. Более важная для него цель — аристотелевская модель сущности, которую он еще называет «таксономической». Для Аристотеля все индивиды принадлежат к каким-то объединяющим видам. И хотя это, возможно, и не реифицирует универсальные качества на манер Платона, однако же создает абсолютный барьер между видами и более проницаемый барьер — между членами одного вида. В современных терминах, объекты коренятся в «естественных видах». Коль скоро Деланда отказался от идеи, что естественные вещи реальнее, чем искусственные ассамбляжи, ему легко отвергнуть естественные виды и любые иные разновидности постоянных сущностных барьеров между разными типами сущего. Это переключение фокуса с видов на индивидов часто связывается с именем Чарльза Дарвина, и Деланда открыто ссылается

на него. Хотя животные и склонны к репродуктивной изоляции благодаря закрытому от внешнего влияния генофонду, согласно теории эволюции, эти замкнутые «фонды» возникали в ходе долгой борьбы с климатом и конкурентами. Следовательно, разница между видами не более абсолютна, чем между двумя котами или двумя орлами. Нет такой вещи, как «орел», а есть только отдельные или сингулярные орлы. В определенном отношении это просто радикализует позицию Аристотеля, позволяя видам со временем меняться; акцент на индивидах присутствовал уже в аристотелевской метафизике.

Это дает два интересных взаимосвязанных вывода. Во-первых, индивидов следует рассматривать как исторические процессы. Здесь есть некоторая двусмысленность в позиции Деланда. В своей более ранней книге Деланда утверждает, что «в онтологии Делёза... вид (включая и естественный вид) определяется не своими сущностными чертами, а, скорее, породившим его *морфогенетическим процессом*»¹⁴. Это смещает акцент с конкретных индивидов на нечто вроде доиндивидуальной траектории, так что индивиды оказываются преходящей кристаллизацией более глубокого процесса. Эта теория противостоит не только эссенциализму, но и тому, что Рой Бхаскар и другие называют «актуализмом», — идее, что мир состоит только из вещей, как они есть здесь и сейчас. В то время как некоторые авторы хотят избежать актуализма через осуществляемые вещами потенциальности или управляющие ими законы, для Деланда эти решения недостаточно реалистичны, ведь они определяют реальность чем-то лежащим вне ее текущего состояния, ставя ее, таким образом, в зависимость от отношения. Дабы избежать ловушек актуализма, с одной стороны, и потенциальностей и закона, с другой стороны, Деланда придерживается мнения, что делёзовская *множественность* — лучшее решение. Он высказывается в пользу «аттракторов, которые никогда не актуализируются»¹⁵, и ставит генезис выше полностью сформировавшихся индивидов. Или, по крайней мере, так он резюмирует Делёза. Но из последней книги не вполне ясно, почему генетическому процессу должен быть отдан приоритет перед полностью сформировавшимися индивидами. Он повторяет свой ранний пример с атомами, сформированными в ядре солнца:

14. DeLanda M. Intensive Science and Virtual Philosophy. P. 9–10.

15. Ibid. P. 32.

Химические виды, как они классифицированы в периодической таблице элементов, могут быть реифицированы привязкой к существованию водорода, кислорода или углерода. Но можно признавать объективность таблицы, в то же время отказываясь реифицировать ее естественные виды. Атомы данного вида рассматривались бы как индивидуальные объекты, произведенные рекуррентными процессами [синтеза ядер], происходящими в недрах отдельных звезд. Даже если, в отличие от организмов, они демонстрируют меньшую изменчивость, тот факт, что они родились в конкретном процессе, дает каждому из них историю... [Поэтому] нет нужды в онтологической зависимости от существования «водорода вообще»: нужна лишь объективная реальность больших популяций атомов водорода¹⁶.

Но не вполне очевидно, что это требует изменения философского фокуса с полностью сформировавшихся атомов водорода на морфогенетическую историю, протекающую вне этих атомов. Они могли бы оставаться полностью индивидуализированными благодаря некоторым случайным осадениям, оставленными их индивидуальными историями, так что не требовалось бы, чтобы процесс как целое становился темой философии; на самом деле реальные вещи забывают большую часть своих историй. В таком случае генезис сам становится избыточным. Он релевантен лишь постольку, поскольку оставляет случайные отпечатки на каждом индивидуальном атоме. Этот пункт важен для меня, потому что, полагаю, онтологии стоит избегать не *актуализма*, а *реляционизма*. Единственный способ учредить объектно-ориентированную онтологию — не переключаться на процесс, поток, генезис, динамизм или протекание, а вместо этого учредить новую модель объектов как предельно свободных от любых отношений и частично сокрытых в своих личных вакуумах. Точно так же, как явная скука реализма вдохновила корреляционистскую догму, явная скука атомов и бильярдных шаров вызвала повальное увлечение криптогенетическими всплесками *élan vital* и мощными гераклитовскими потоками. Я предлагаю иное решение, согласно которому атомы и бильярдные шары гораздо страннее, чем считалось, как и мрамор, змеи, кометы и воздушные шары. Индивидуальный объект актуален или реален, но не становится жертвой никаких отношений.

Пример синтезируемых в ядре звезды атомов водорода затрагивает и второй вывод Деланда: индивиды встречаются в *популя-*

16. *Idem*. A New Philosophy of Society. P. 27–28. Курсив мой. — Г. Х.

циях. Из этих популяций могут возникать новые ассамбляжи. Это может быть огромное множество людей, из которого кто-то станет юристом или буддистом. Или это может быть большая популяция неодушевленных объектов, и некоторые из них (воспламеняющиеся в правильном месте в правильное время) объединяются в топливо для бушующего лесного пожара. Хотя Деланда не останавливается на этом пункте подробно, из этого следует, что каждый индивид имеет множество качеств, кроме тех, что делают его частью популяции. Для юридической карьеры могут понадобиться определенные ораторские навыки — навыки, не нужные всем представителям человеческой популяции; кому-то понадобятся особые свойства темперамента, чтобы найти привлекательным буддизм. Тогда вдобавок к характерным для всей популяции чертам мы наделены многочисленными качествами, которые можно назвать случайными. Они не нужны для членства в популяции людей, но в подходящих обстоятельствах могут втянуть нас в новые и невообразимые ассамбляжи. Как Деланда замечает в другом месте книги, важны именно «случайные столкновения»¹⁷. Мы все — дети случая, коль скоро все мы обладаем качествами и способностями, которые не задействованы в текущей ситуации, но могут стать решающими, когда произойдут определенные случайные события. Вы можете оказаться единственным человеком в данном месте с нужной генетической структурой, которая позволит выжить в надвигающейся эпидемии лихорадки Эбола, и поэтому одним из немногих, кто выживет, чтобы позже восстановить человеческий вид, так что иные ваши более случайные особенности станут ключевыми структурными признаками грядущей человеческой расы.

В. Виртуальное

Как бы то ни было, нет никаких видов, а есть только популяции индивидов, каждая со своей оригинальной и неповторимой историей. *Актуальны* только отдельные индивиды, даже если некоторые части их актуальности — это способности, не обнаруживающие себя до подходящего момента; в этом смысле потенциальное есть лишь производная форма актуального. Но наряду с ними есть виртуальное, и в последней книге Деланда роль виртуального играет *род*. Здесь мы находим неожиданную тему, рассматриваемую менее подробно, но, возможно, более ясно, чем в преды-

17. Ibid. P. 21.

дущей работе. Хотя мы и можем заменить виды Аристотеля индивидуальными сингулярностями, Деланда утверждает, что нельзя сделать то же самое с классами более высокого уровня. Он ссылается на биологические царства (такие как растения или животные) и типы, «включая типы „хордовых“, к которым люди как позвоночные принадлежат»¹⁸. Он полагает:

Тип может быть рассмотрен как абстрактное тело-план, общее для всех позвоночных; как таковой он не может быть охарактеризован с использованием метрических понятий вроде длины. <...> Поэтому только не-метрические или топологические понятия, такие как всеобщая связность различных частей тела, могут быть использованы, чтобы определить его¹⁹.

В качестве примера он заимствует у Макса Вебера различие трех типов социальной легитимации (традиционный, бюрократический и харизматический типы), превышающих любое свое возможное воплощение в том или ином обществе.

Деланда использует понятие «пространства возможностей», чтобы определить эти базовые топологические типы. Обращаясь к своей ранней книге, он также отсылает к «фазовым пространствам», «аттракторам» и «степеням свободы». Родственными понятиями являются «топологические инварианты» и «*универсальные сингулярности*», противопоставленные, конечно, индивидуальным. Делёзовский термин «диаграмма» тоже в деле. Если вид может быть редуцирован к индивидам в популяции, то, как считает Деланда, виртуальные пространства возможности скорее предшествуют любым популяциям, чем возникают из них. В этом смысле он одновременно поддерживает номинализм вида и реализм рода (или, может, нам следует сказать *виртуализм* рода). Для Деланда важным следствием виртуальности рода является «независимость-от-механизма». По его словам,

...анализ в теории ассамбляжа не концептуальный, а причинный, направленный на открытие *актуальных механизмов*, действующих в данном пространственном масштабе. [Кроме того,] топологическая структура, определяющая диаграмму ассамбляжа, не актуальна, а *виртуальна и независима-от-механизма*,

18. Ibid. P. 28–29.

19. Ibid. P. 29.

способна быть реализованной в разнообразных актуальных механизмах...²⁰

Иными словами, она имеет не причинный, а *квази-причинный* характер — еще один знакомый читателям Делёза термин.

Г. Катализ

В квазипричине мы находим соперника обычной механистической теории линейной причинности, которая утверждает, что одни и те же причины всегда вызывают одни и те же следствия. Деланда упоминает и других соперников, прежде всего катализ и статистическую причинность. Давайте оставим здесь в стороне статистическую причинность, поскольку споры о том, понимать ли ее в онтологических терминах (как подлинную, копенгагенскую неопределенность²¹ в природе) или же в сугубо эпистемологических (как неспособность познать детерминистическую вселенную с точностью большей, чем статистическая), бесконечны. Взглянем вместо этого на катализ. Например, курение для рака легких скорее катализатор, чем причина. Кто-то неудачно заболевает раком из-за незначительного количества дыма в среде, в то время как другие жить не могут без сигарет и кальяна, но остаются невредимы. Генетические и диетические факторы тоже влияют на появление рака, а курение просто опасный катализатор для этого заболевания.

Об этом можно сказать немало интересных вещей. Во-первых, хотя Деланда использует для подрыва линейной причинности и квазипричины, и катализаторы, это вовсе не одно и то же. Предполагается, что квазипричины принадлежат виртуальному фазовому пространству, а катализаторы сугубо актуальны. Катализатором для рака были бы отдельные конкретные сигареты, а не какая-то ускользающая топологическая степень свободы. Далее нам следует спросить, является ли катализатор *качеством* вещи или ее *способностью*. Скорее всего, способностью.

20. Ibid. P. 31.

21. Речь идет о Копенгагенской интерпретации квантовой механики, сформулированной Нильсом Бором и Вернером Гейзенбергом, согласно которой квантовая механика описывает не атомные объекты сами по себе, а их проявления во взаимодействии с измерительными приборами, используемыми для наблюдения, причем чем точнее измеряется одна из характеристик объекта, тем менее точно возможно измерить другую. — *Прим. ред.*

Сам термин «канцероген» в отношении табака означает его *способность* вызывать рак в живых организмах, *способных* генерировать раковые клетки. Иными словами, именно способности делают всю реляционную работу для Деланда, однако они должны быть как-то основаны на реальных качествах, иначе бы они не существовали. Но что *есть* это не-реляционное качество? Можем ли мы сказать, что «канцерогенный» обозначает способность табака вызывать рак в живых организмах и что не-реляционные качества табака принадлежат вместо этого его молекулярной структуре? Это больше похоже на позицию кого-то вроде Сола Крипке. Проблема в том, что сама эта молекулярная структура является ассамбляжем и поэтому построена из способностей своих «индивидуальных элементов» (конструирующих ее). Но даже если бы это было не так, молекулярная структура занимает в пространстве определенное место со специфическими метрическими отношениями с окружающими вещами. Судя по всему, нет способа отделить актуальное от реляционного, и поэтому все «качества» (в обычном смысле) сводятся к способностям, если только мы не сделаем все качества виртуальными или квазипричинными, лежащими вне любой индивидуальной вещи. Но тогда взаимодействовать будут не вещи, ведь они окажутся всего лишь стерильными кристаллизациями на поверхностях динамического производящего процесса. Это возможный вариант. Но лучший вариант заключается в том, чтобы допустить не-актуальные качества, принадлежащие конкретным индивидуальным вещам, которые превосходят свои отношения ко всем другим объектам. Определение индивидов как исключительно актуальных редуцирует их к положениям дел, от которых затем мир спасается добавлением более глубокого уровня квазипричин. Это кажется мне лишним, поскольку нет никакой нужды думать об объектах в первую очередь как о положениях дел; одно и то же дерево поддерживает множество восприятий себя другими сущностями и может быть проведено через всевозможные сценарии, оставаясь одним и тем же деревом. Если не начинать с объекта как положения дел, тогда я не вижу причин смещать внимание онтологии с индивидуальных сущностей на морфогенетические траектории или лежащее глубже конкретных объектов реальное/виртуальное топологическое пространство.

Деланда делает еще несколько замечаний по поводу важности нелинейной причинности. В отличие от логики, где каждый шаг выводится из предыдущего с механической необходимостью, причинность *продуктивна*. В следствии всегда заключено боль-

ше, чем в причине, и снова возникает подозрение, что это «большее» наиболее явно в *случайных* свойствах следствия. Если одна и та же пара рождает троих сыновей, то это сыновняя популяция, в которой каждый обладает особыми индивидуальными свойствами, превышающими то общее, что они наследуют от родителей. Два сына, быть может, нобелевские лауреаты, а озлобленный третий — беспощадный убийца. Деторождение в этом смысле «продуктивно», притом что одинаковые дети не порождаются с механической регулярностью одними и теми же родителями. Это только отчасти шутка. Но, что удивительно, Деланда думает, что линейная причинность *иногда* случается. Учитывая, что, по его мнению, все взаимодействия в мире должны вовлекать двух уникальных индивидов (даже если работу причинности выполняет более глубокая виртуальность) и даже атомы углерода являются уникальными, каждый со своей исторической траекторией, — учитывая это, зачем вообще нужно существование линейной причинности? Ему стоило во всех случаях, полностью, заметить причинность катализом.

Д. Двойные оси

Завершим этот раздел рассмотрением четырехчастной структуры мира. Наиболее известные в истории философии четверицы — причины Аристотеля и таинственные хайдеггеровские земля, небо, боги и смертные. Но если начать всерьез искать четверицы в философии, то можно обнаружить их везде; на деле они обычно открыто провозглашаются своими авторами и потому не требуют для своего обнаружения изощренного «прочтения» или усердных раскопок. Фактически всю историю философии можно переписать через эту тему. Интерпретация космоса строго через четверицу будет получаться всякий раз при пересечении двух основных дуализмов. Сохраняя структурную ясность дуализма, четверица избегает его парадоксальной монотонности, добавляя в мир некоторую напряженность. Любая четырехчастная онтология должна делать две вещи. Во-первых, она должна ручаться, что два ее основных дуализма достаточно глубоки, чтобы гарантировать схватывание костяка мира. Утверждение, что все в мире либо тигр, либо не-тигр и либо сердитое, либо не-сердитое, покрывает все возможное сущее, но это, очевидно, онтология для дураков. Большинство философий четверицы легко избегают этой опасности, хотя дуализмы одних лучше, чем дуализмы других. Во-вторых, все четверицы должны объяснить взаимоотно-

ношения четырех полюсов и их возможные взаимопревращения. Это у философов получалось не так хорошо. Подходящий пример — проблема Хайдеггера с землей, небом, богами и смертными. Я уже не раз писал²², что эти термины не так уж темны, как принято думать. Однако непонятным остается их взаимодействие, неясно толкуемое Хайдеггером в терминах зеркальной игры, свадеб, танцев и песен. Эти описания просто негативны, ведь они только и говорят нам, что эти четверо — не одинокие полюса бытия, а как-то перетекают друг в друга. Не хватает позитивного описания их отношений.

Вернемся к Деланда. О своей собственной двойной дуальности он говорит настолько ясно, насколько вообще возможно. По его словам,

...концепт ассамбляжа определяется двумя измерениями. Одно измерение, или ось, определяет изменчивые роли компонентов ассамбляжа: от чисто материальной роли на одном конце оси до чисто экспрессивной — на другом. Эти роли непостоянны и могут оказываться смешанными, когда данный компонент может играть смесь материальной и экспрессивной ролей, *используя разные наборы способностей*²³.

А теперь его вторая ось:

Другое измерение определяет изменчивые процессы, в которые вовлекаются эти компоненты. Оно либо стабилизирует идентичность ассамбляжа, увеличивая степень его внутренней однородности или степень четкости его границ, либо дестабилизирует ее. В первом случае речь идет о процессах территориализации, в последнем — детерриторизации. Один и тот же ассамбляж может обладать как компонентами, работающими на стабилизацию его идентичности, так и компонентами, заставляющими его изменяться или даже трансформирующими его в другой ассамбляж. Фактически один и тот же компонент может участвовать в обоих процессах, *используя разные наборы способностей*²⁴.

Здесь нужно отметить две вещи. Во-первых, я изменил в этих пассажах акцент, чтобы подчеркнуть фразу «используя разные наборы способностей». Это важно. Для Деланда именно способности

22. См., напр.: Harman G. Heidegger Explained: From Phenomenon to Thing. Chicago; La Salle, IL: Open Court, 2007.

23. DeLanda M. A New Philosophy of Society. P. 12. Курсив мой. — Г. Х.

24. Ibidem. Курсив мой. — Г. Х.

ассамбляжа, а не его качества позволяют ему курсировать между материальным и экспрессивным или между территориализующим и детерриторизующим. Один из примеров Деланда: город обладает определенной инфраструктурой, ее можно рассматривать как материальную; но также есть фасады и силуэты — избыточная поверхность, ненужная для текущих функций. Термин «силуэт» настолько хорош, что его следовало бы сделать техническим понятием в философии: объекты — не только скрытый материальный слой, каждый обладает силуэтом, которым он встречается других. Эти явно нефункциональные выражения поверхности могут когда-нибудь стать функциональными, замечает Деланда вслед за Делёзом²⁵. В определенном смысле все популяции производят ассамбляжи, превращая их прежде экспрессивное измерение в сырье (*raw material*) для нового ассамбляжа исходя из всего лишь подмножества популяции, подобно тому как та случайность, что некоторые заинтересованы в шахматах больше, чем другие, порождает ассамбляжи международных шахматных лиг. Но, что самое интересное здесь, *способности* вещи служат Деланда формулой смены формы. Проблема такого захода, как и в предыдущем случае с причинностью, в том, что он никогда в действительности не говорит нам, что такое *качества* вещи вне любых ее отношений. Экспрессивен или материален ассамбляж сам по себе с точки зрения своих качеств? Ответ Деланда, видимо, «ни — ни». Силуэт Хиросимы может быть одновременно чисто экспрессивным для дзен-монахов, обожающих утреннюю свежесть, и материально функциональным для ядерного бомбардировщика, выполняющего визуальное наведение бомбы. А что же сама по себе Хиросима? Каков подлинный ассамбляж, удерживающий вместе материальную и экспрессивную *способности* города? Для Деланда опасность превращения способностей в текучую среду заключается в том, что вещи переопределяются с точки зрения своих отношений к другим вещам, и мы сползаем в онтологию единого (бесшовного) реляционного целого, из которого нас может спасти только виртуальное, подобно тому как Хайдеггер нуждался в *Dasein* или Эммануэль Левинас — в Другом, чтобы спасти нас от гладкого реляционного ансамбля инструментов.

Во-вторых, Деланда говорит, что

...две роли компонентов в ассамбляже соотнесены с разными формами причинности. Если материальные компоненты

25. Ibid. P. 14.

предполагают целый репертуар причинных взаимодействий, то экспрессивные — катализ²⁶.

И снова трудно установить точную роль каждого из обсуждаемых понятий. Мы уже слышали, что и материальная, и экспрессивная роли задействуют способности ассамбляжа (что означает его возможность отнестись к другим вещам), а не ассамбляж, взятый с точки зрения его качеств, какими бы они ни были. Качества, видимо, не являются ни материальными, ни экспрессивными и по той же причине не могут быть определены как территоризирующие или детерриторизирующие, ведь эти свойства тоже относятся к способностям или отношениям с другими вещами. И мы снова сталкиваемся с уже возникавшей сложностью того, как вообще для Деланда может реализоваться причинность в некаталитическом смысле. Нелинейная причинность, лучшим примером которой в книге является катализ, довольно хорошо подходит его позиции в целом. Одна вещь не вытекает из другой в цельном (бесшовном) механическом процессе. Скорее, два и более различных индивида находятся по соседству и либо вступают, либо не вступают в причинные отношения какого-то типа. Однако здесь все еще есть затруднение. С одной стороны, даже если курение сигарет не вызывает рак во всех случаях, а только выступает катализатором, это лишь отодвигает вопрос о причинности на шаг дальше. Ведь что если бы *все средовые и генетические факторы* каким-то образом были эквивалентны во множестве разных случаев: должен ли рак или не-рак быть идентичным результатом во всех таких случаях? Иными словами, нелинейная причинность Деланда основана на сложном взаимодействии множества разных факторов, так что ни один фактор не имеет одно и то же следствие во всех случаях. А что с *комбинацией* этих факторов? Где механизм для неопределенности, если вся среда могла бы быть в точности той же в десяти тысячах разных случаев? В этом смысле Деланда все равно оставляет место для механистической философии, хотя и гораздо более замысловатой, чем обычно.

Онтология Латура

Теперь обратимся к онтологии Бруно Латура и рассмотрим его позицию сквозь призму пяти вышеупомянутых пунктов. Как боль-

26. Ibid. P. 22.

шинство интересных философий, философия Латура *может быть* с успехом резюмирована в одном параграфе. Мир сделан из акторов всех типов и размеров. Человеческий субъект или *Dasein* — акторы, но акторами являются также свечи, звезды, газеты, экспрессы и боги. Все, что так или иначе существует, является актором. Это не просто изолированные сгустки вещества — они ведут переговоры между собой в сетях. Актор неотделим от своих качеств и не «переживает приключения во времени и пространстве» (как полемически описывал классическую модель субстанции Уайтхед). Если «философские корни» Деланда — в философии Делёза, то источником глубочайшего вдохновения для Латура является Уайтхед, которого он считает величайшим философом прошедшего века. Для Латура все случается только один раз: в одно время и в одном месте. Трансформированный актер — это фактически новый актер. Его можно связать временной траекторией с предшественниками, но это все равно новый актер. В этой философии нет различия между формой и материей, поскольку каждый актер может служить материалом для более крупных акторов или конечной формой для элементов, из которых он состоит. Ничто по своей сути не является редуцируемым или нередуцируемым к чему бы то ни было. Два объекта *могут* быть соединены в более масштабную машину, если проделана надлежащая работа по их сближению и найдены способы их соединения. Рассказы Кафки *могут* быть связаны с Фомой Аквинским или музыкой «Нирваны», хотя может понадобиться изрядная изобретательность, чтобы удержать связь.

Как считает Латур, мы можем сомневаться в законах Ньютона не больше, чем ехать на своем автомобиле в метро, причем *по одним и тем же причинам*. Интеллектуальные связи по сути не сильнее и не слабее физических. Все отношения требуют труда одного типа, и только когда работа завершена, мы можем сказать задним числом: мол, все это время знали, что связь должна состояться. Наконец, акторы не являются изолированными и в ином отношении: сам по себе актер всегда слаб, и силу дают лишь *союзники*. Это не социология силовых игр, в которой «самый сильный ученый» всегда выигрывает, поскольку здесь фраза «самый сильный» ошибочно ограничена вопросами влияния в человеческих группах. Если одинокий мечтатель время от времени побеждает брокера научных сил, то не благодаря доступу к самой истине, а через сборку многочисленных *неодушевленных* союзников вроде молекул и газов, которые в конечном счете высказываются значительно громче, чем силовые тактики союзов человеческих сил.

С исторической точки зрения Латур отвергает кантовскую коперниканскую революцию, поскольку отрицает, что разрыв между феноменами и ноуменами сколько-нибудь отличается от зазора между шинами и асфальтом или расстояния между Дувром и Кале. Разрывы преодолеваются работой, они существуют и постоянно преодолеваются повсюду — не только между разумом и реальностью. Его патентованная фраза «нового времени не было» означает невозможность очистить реальность от человеческой власти (как в научной модели) или очистить произвольные социальные силы от причастности природе (как в моделях социальных конструктивистов). Всюду лишь акторы, и мы не можем *a priori* объявлять их в большей или меньшей степени реальными. Такие объявления требуют настоящей эмпирической работы, поэтому-то Латур в последнее время и говорил об «эмпирической метафизике». Теперь давайте посмотрим, что мог бы сказать Латур по каждому из пяти ключевых пунктов из последней книги Деланда: реализм, антиэссенциализм, разница между виртуальным родом и актуальными видами, нелинейная причинность и двойная ось реальности.

Классический реализм был слишком ограничен, сводя субстанции к вещам природы: это явно у Аристотеля, но более комично у Лейбница с его презрением к парам бриллиантов и кругам держащихся за руки людей. Как и Деланда, Латур оказывается «большим реалистом, чем король», помещая реальности на всех уровнях космоса. Голландская Ост-Индская компания, один из любимых лейбницевских примеров псевдосубстанции, была бы принята Латуром и Деланда с распростертыми объятиями. Эта огромная корпорация стала реальной, бережно собирая множество акторов ценой кропотливого труда. Для Латура эта корпорация по типу ничем не отличается от атома углерода или бродвейского музыкального шоу. Деланда пришлось бы согласиться. Однако здесь есть очевидное различие между ними. Деланда гордо заявляет о своем реализме в первом параграфе каждой своей книги, но я не припомню пассажа, в котором бы Латур открыто называл себя реалистом. Вспомним: реализм противостоит не только идеализму, но также позиции, называемой Мейясу *корреляционизмом*. Согласно этой позиции, присутствие человека необходимо в качестве посредника во взаимодействии объектов, даже если они эксплицитно не редуцируются к феноменам в сознании. Итак, Латур не феноменолог и точно уж не отъявленный идеалист. Камень, мрамор, общество и математическое доказательство сопротивляются нашим усилиям и требуют тщатель-

ной инженерной работы, чтобы быть собранными эффективно и правильным способом. Подобно некоторым другим современникам, Латур возвращает сопротивление вещам, и в этом заключается его привлекательность.

Но говорит ли Латур о двух неодушевленных акторах, взаимодействующих без участия человеческого свидетеля? Хотя в его работах можно найти ресурсы для такого анализа, я не припомню, чтобы он где-либо предпринимал его. Случившаяся на полуофициальном событии история прояснит дело. В феврале 2007 года в парижской квартире Латура состоялась вечеринка в честь Мейясу, где молодого философа встретили плакатом «Добро пожаловать в корреляционистский дом!» (*Bienvenue à cette maison corrélationiste!*). Хотя это и было доброй шуткой, невозможно представить себе Деланда, проделывающего такие же трюки, невозможно вообразить его даже заигрывающим с идеей, что он мог бы быть корреляционистом. Реализм заложен в философский ДНК Деланда и не обсуждаем. Это не так для Латура, объектно-ориентированного в своем мышлении. Он не рвется настаивать, что вещи должны участвовать во взаимодействиях до и вне человеческого участия в них, а не только сопротивляться человеческим теориям. Даже если так, это никогда меня особо не тревожило, несмотря на мою приверженность реализму: подобно Хайдеггеру, Латур дает так много возможностей для возвращения прав независимым вещам, что я никогда не чувствовал себя обделенным их отказом войти в Клуб реалистов. Если чего и не хватает Латуре, то общей теории причинности, описывающей не только соединение инженером резины и стали, но и сопротивление и переговоры между неодушевленными силами в далеком доисторическом космосе. Когда Латур говорит, что при надлежащей работе один объект всегда может быть переведен в другой, пространство этого перевода оказывается пространством человеческой компетентности. В этом отношении объекты не более отделены друг от друга, чем отдельные впечатления или идеи отрезаны друг от друга для Юма, ведь все существуют в моем уме прямо сейчас. Здесь человеческий ум играет ту же роль, что и Бог в окказионалистских философиях, — посредник для реальностей, в иных отношениях независимых друг от друга. Вместо предоставления этой власти только Богу или уму я предлагаю найти способ демократизировать отношения и превратить все объекты в посредников, через которых проходят силы других объектов.

Второй пункт — антиэссенциализм, и здесь Деланда и Латур приходят к согласию с разных сторон. Оба против естественных видов. Латур, хотя и католик, тоже цитировал Дарвина как

разрушителя идеи естественных видов. Обе философии толкуют о конкретных индивидах, а не биологических видах. Разница в том, что, хотя оба и полагают, что вещи изымаемы из включающих их сетей, Деланда больше похож на классических реалистов, считая, что автомобиль остается тем же, даже если его перенести из гаража на уличную свалку. Латуру, напротив, ближе что-то вроде «действительных событий» (*actual occasions*) Уайтхеда, чем реальные субстанции. Вещь обладает всеми своими качествами и отношениями здесь и сейчас, а ее самотождественность во времени — не более чем социальная связь между тесно связанными, но не вполне тождественными актерами. Латур бы одобрил термин Уайтхеда «бездеятельная действительность» (*vacuous actuality*) для обозначения любой субстанции, лежащей вне всех своих отношений к другим вещам. В этом смысле, думаю, виртуальное могло бы считаться «бездеятельной действительностью», как и мой концепт загадочных ускользающих объектов. Если Деланда позволил бы нам покрасить дом много раз, не разрушая лежащий в его основе ассамбляж, то для Латура дом вряд ли будет тем же от момента к моменту, даже если мы вообще никогда не покрасим его. Как и для Уайтхеда, вещь существует в мгновении.

Третьим пунктом было проведенное Деланда различие между актуальностью видов в форме конкретных индивидов и виртуальностью рода в топологических степенях свободы или абстрактных диаграммах. Здесь различие между ними лежит на поверхности. У Латура нет места для виртуального, хотя он заигрывает с различием между виртуальным и потенциальным. Есть только конкретные акторы, и эти акторы всегда так специфически разворачиваются в разнообразных случайных качествах и внешних отношениях, что не могут пережить их изменения. Я не вижу, куда бы у Латура можно было вписать виртуальное. Он предельный актуалист.

Четвертый пункт — катализ, или нелинейная причинность. Здесь наши философы солидарны. Для обоих причинность продуктивна и не просто разворачивает то, что уже было заложено в настоящем. Латур на самом деле идет еще немного дальше, так как, в отличие от Деланда, считает, что даже *логика* продуктивна: доказательства Евклида не больше содержатся в аксиомах, чем финальные ноты «Волшебной флейты» в увертюре или пирог в ингредиентах. Каждый шаг доказательства или причинной цепочки включает в себя переговоры, проверку сильных и слабых сторон этого шага. Может быть, это неочевидно в случае более коротких доказательств Евклида, подобно тому как, по признанию

Канта, сложно усмотреть в $7 + 5 = 12$ синтетический характер сложения. Но посмотрите на предложенное Эндрю Уайлсом доказательство последней теоремы Ферма с его длительными (и изначально ошибочными) заходами через эллиптические кривые и модулярные формы, а также работы по меньшей мере пяти других математиков. Как и в случае проектирования здания, есть множество ошибочных путей, на которые доказательство может свернуть, и одна слабая связь может разрушить все доказательство, как и один неисправный провод может привести к падению аэробуса, а одно оскорбление — запустить войну.

Последний пункт касается двойной оси мира у Деланда. Подобно удивительно большому количеству философов, у Латура есть своя четверица. Как в случае Деланда и многих других, его четверица возникает из удвоения разницы между вещью самой по себе и вещью в ее отношениях к другим. Предлагаемые им четыре термина таковы: замешательство и институция, с одной стороны, консультация и иерархия — с другой (это хорошо видно на схеме в его «Политиках природы»²⁷). Выражаясь в других терминах, он радикализует различие факт/ценность, повторяя его и на фактической, и на ценностной осях в обычной для четырехчастных онтологий манере. В начале 2007 года Латур завершил свой труд, названный им *tagmit oris* и действительно заслуживающий такого титула. Под текущим названием «Краткое изложение исследования модусов существования»²⁸ он описывает явно экстравагантную 14-частную онтологию, хотя беглый осмотр обнаруживает, что речь идет о четверице с объединяющим пятым термином. Четвериц в последнее время в философии хоть отбавляй: у Мартина Хайдеггера, Мануэля Деланда, Бруно Латура, Мар-

27. Latour B. Politics of Nature: How to Bring the Sciences Into Democracy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. P. 111.

«Словарь для замены терминов „факты“ и „ценности“

Власть учитывать: сколько нас?

Замешательство. Требование внешней реальности.

Консультация. Требование релевантности.

Власть ранжировать: можем ли мы жить вместе?

Иерархия. Требование публичности.

Институция. Требование закрытия». — Прим. пер.

28. Впоследствии книга была издана как: *Idem*. Enquête sur les modes d'existence. Une anthropologie des Modernes. P.: La Découverte, 2012. Англ. пер.: *Idem*. An Inquiry Into Modes of Existence. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013. Рецензию на эту книгу см. в: Быков Е. От акторно-сетевой теории к модусам существования: экспозиция в семи сценах // Логос. 2017. Том 27. № 1. — Прим. ред.

шалла Маклюэна, Алена Бадью, может быть, Жилия Делёза, не говоря уж об Аристотеле и его наследниках. Это не пустой вопрос нумерологии, а вызов для нас, состоящий в необходимости избрести динамику того, как четыре полюса по двум онтологическим осям отражают и трансформируют друг друга.

Деланда: оценка через преувеличение

Обычно философию оценивают «критически», то есть ищут слабые места в ее аргументах. Конечно, это лучше, чем наивный энтузиазм по отношению к любой новой философии. Мы часто надеемся увидеть критическую позицию у учеников мыслителя, ведь никто не хочет видеть идеологов, заискивающих перед мэтром. Но у критического подхода есть обратная сторона, а именно его склонность стирать разницу между смелой и радикальной философией и унылой сдельной работой, заполняющей любую уже сформировавшуюся школу. Мы живем в несовершенном мире. Часто получается так, что мои восемнадцатилетние студенты находят прискорбные ошибки у таких гигантов, как Платон и Лейбниц, и довольно часто эти ошибки так же серьезны, как и ошибки в средней газетной статье. Тем не менее мы продолжаем читать Платона и Лейбница, извлекая из их работ больше, чем из текстов с тем же количеством недостатков. Читая ранние рецензии на «Критику чистого разума», я поражаюсь тому, что даже самые тщательные критические разборы совершенно упустили суть книги, ведь немногие из них (если вообще хоть кто-то) предсказали, насколько важной она вскоре станет для всех нас. Великим философом Канта делает не то, что он сделал меньше ошибок, чем другие; Хайдеггер когда-то предположил, довольно справедливо, что великая мысль всегда *требует* великой ошибки. Критическая установка не только сводит философию к таблице верных и ошибочных аргументов, но и частично деморализует тех редких авторов, которые, несмотря ни на что, избегают давления академической выучки и рискуют попытаться счастья, выстраивая систематический взгляд на вселенную. По этим причинам я предлагаю заменить философскую критику методом философского *преувеличения* (гиперболы).

Читая замечательную работу с новыми идеями, я всегда спрашиваю себя не «Где тут ошибочные аргументы?» (это все равно что ставить подножку танцующим на паркете или говорить им, что у них развязались шнурки), а скорее: «Если бы эта работа была величайшей работой этого века в своей области, что бы изменилось? И чего бы нам все равно не хватало?» Этот метод из-

бегают доверчивого преклонения и восхваления (если такое еще бывает), распознавая лакуны, которые можно найти даже в величайших философиях. Кроме того, это справедливее по отношению к смелым мечтателям, чем критический метод, находящий семнадцать ошибок в Канте и девятнадцать в какой-то сужой, не запоминающейся и ничем не рискующей статье. Хороший вкус мог бы требовать, чтобы мы не применяли проверку преувеличением в случаях вроде последнего. Деланда заслуживает такой проверки; он очертил панораму реальности, которая напрашивается быть принятой всерьез как важный вклад в философию. Поэтому я спрашиваю без тени сарказма: «Будь теория ассамбляжа Деланда величайшей философией XXI века, что изменилось бы, какие ее лакуны могла бы захотеть заполнить последующая философия?» Идея в том, что метод преувеличения полезнее, чем преуменьшение, ведь последнее редко фальсифицируемо. Возможно, в этом все дело.

Итак, представьте себе, что в 2030 году онтология Деланда обставила всех конкурентов, достигнув статуса канонической классики или сразу догмы, и заменила нынешнюю аналитическую философию как воплощение философского мейнстрима. Возможно, она имела бы ответвления (скажем, гарвардские и оксфордские деландовцы), но без настоящего раскола. Попробуйте представить, в чем вы бы почувствовали облегчение, случись это, а в каких отношениях почувствовали бы себя стесненно и подавленно.

Выигрыш от господства Деланда был бы очевиден. В 2030 году ясная философская проза снова в ходу. Больше нет континентальной школы, осуждаемой за «туманность» или литературный пафос, нет и изошренных, но бессодержательных графоманов. Самое важное — реализм снова в моде после прозябания на задворках философии в течение более чем двух веков. Обширная неисследованная территория реализма открыта для наследников Деланда, формулирующих новые проблемы и откапывающих забытые сокровища из истории реализма, что, быть может, ведет к ослепительному ренессансу средневековых фигур вроде Франсиско Суареса. Но, в отличие от предшествующего реализма, философия в 2030 году учитывает множественность уровней реальности и работает с «плоской онтологией» разнообразных ассамбляжей (будь то общества, машины или атомы), а не плодит произвольные деления вещей на реальные и всего лишь агрегаты. Это мощная и гибкая онтология, осведомленная о последних достижениях в науке и кино, а также широко применяемая эм-

пирически, что уже видно по интригующим размышлениям Деланда о рынках и разговорах людей. С приходом к власти теории ассамбляжа долгая холодная зима деконструкции осталась позади и новый дух реализма пустил корни. Этот философский мир кажется мне более счастливым, чем тот, в котором я вырос, и достаточно хорошим, чтобы просто его принять и обустроить.

Впрочем, получив столько благ, я со свойственной человеку жадностью хочу получить еще. Если бы мне пришлось восстать против будущего господства Деланда, то против чего бы я восстал? Как я намекал выше, одной из лакун философии 2030 года была бы теория причинности. Мне не хватало бы адекватной теории причинных связей в деландовском мире и — по иным причинам — в альтернативном латурианском. Давайте снова обратимся к примеру дерева. Дерево, очевидно, не является для Деланда простым агрегатом, и не потому, что это субстанция или естественный вид. Дело в том, что оно отвечает требованию обладать эмерджентными качествами, отсутствующими в его частях, оно ретроактивно влияет на свои части и, наконец, наделено избыточностью, позволяющей частям быть удаленными или замененными без разрушения дерева. Дерево — материал для леса, дающего дом животным видам. Оно экспрессивно в мерцании своего древовидного силуэта, видимого нам и другим вещам. Оно территориализует, закрываясь от соседних объектов, и детерриториализует, размывая свои границы и позволяя внешним влияниям проникать внутрь и изменять себя. Однако Деланда уже определил свою четверицу в терминах способностей, а не качеств. Каковы качества дерева самого по себе, помимо его способностей служить материалом для больших агрегатов, объединять меньшие и господствовать над ними или его двойной склонности замыкаться и изливаться в свою среду? Не ясно, где мы встретим само дерево, ведь оно всегда обнаруживается благодаря своим воздействиям на другие ассамбляжи, которые, в свою очередь, обладают качествами лишь по отношению к другим ассамбляжам, — «мяч»²⁹ реальности передается по цепочке, и никто не берет на себя ответственность быть реальным. Дерево становится скорее специфическим положением дел, чем самостоятельным объектом. Однако так быть не может, ведь дерево не может задаваться суммой положений дел, к которым оно причастно, и *a fortiori* не может быть задано суммой своих

29. См.: *Сепп М.* Теория квази-объектов // Сигма. 05.06.2015. URL: <http://syg.ma/@aliekstrandr-14/mishiel-sierr-o-kvazi-obiektakh>. — *Прим. ред.*

возможностей для будущих отношений, поскольку это было бы даже еще менее реалистичной теорией, чем теория положений дел. Полагаю, это является мотивацией для большинства теорий виртуального, которые видят в ограничениях положений дел адекватный подход к реальности, но предполагают, что индивидуальные объекты могут быть определены только так: объекты, обладающие многочисленными качествами, которые так или иначе регистрируются в пространстве и времени способом, доступным другим.

Принять виртуальное в качестве решения — значит увести философию от конкретных объектов. Но если мы считаем, что объекты по сути своей глубже, чем все положения дел, которым они причастны или будут причастны (то есть положениям дел остается лишь бросать камешки в бездонные пропасти существующих объектов), тогда не нужно никакое обращение к чему-либо виртуальному. Будет сплошной актуализм объектов — совершенно определенных, отличных друг от друга, однако никогда не выражимых исчерпывающим образом в любых попытках зарегистрировать их существование. Только здесь возникает и настоящая проблема причинности. Видимо, для Деланда квазипричина проистекает из виртуальности степеней свободы или рекуррентных форм харизматичного господства, отвергаемого, как только отрицается, что отдельные объекты суть положения дел. Между тем катализ способен противостоять механизму лишь из-за явной сложности причинных элементов, означающей, что как только эти элементы как-то окажутся в правильной комбинации, то произойдет механическое воздействие. Фактически это теория линейной причинности, время от времени срабатывающей среди тумана участвующих агентов, а вовсе не вызов прямой механической причинности как таковой.

Картина изменится, если мы определим объекты как ускользающие от всех отношений в некое герметичное ядро реальности. Впервые за долгое время причинность станет подлинной проблемой. Если дерево само по себе не может быть сведено ни к каким из способностей своей четверицы, то его структура совершенно нереляционна. Тем не менее соседствующие деревья, грибы и ослы должны иметь возможность как-то взаимодействовать, иначе с ними ничего бы не происходило. Именно эта проблема до сих пор упускается в 2030 году. В латурианском мире она имела бы решение, но, на мой взгляд, неверное. Здесь объекты в лесу могли бы вступать в отношения при условии, что выполнена надлежащая работа по переводу. Но переводчиком бу-

дет исследователь или наблюдатель, выполняющий работу по соединению одного объекта с другим. Хотя Латур и не скептик, это в сущности позиция Дэвида Юма. Несмотря на все его сетования по поводу отсутствия необходимой связи между одним впечатлением и другим, они всегда уже соединены как впечатления для меня. Впечатления суть только случайные причины, тогда как сам я функционирую как реальная причина, связывающая впечатления по привычке. Это лишь инверсия окказионализма, так вдохновившего Юма. Юм начинает с впечатлений, уже связанных мной как впечатления для меня, и просто отрицает, что мы можем знать какую-либо независимую реальность впечатлений вне меня. Окказионалисты, наоборот, начинают с предположения раздельных субстанций, неспособных прийти в соприкосновение без постоянного вмешательства Бога. Скептическую позицию можно отвергнуть, опираясь на реализм; окказионалистскую позицию можно отвергнуть, поскольку она успокаивает душу, но не избавляет от интеллектуального голода. Бог, или человеческий ум, становится привилегированным местом, где разворачиваются отношения между вещами, которые иначе остались бы несвязанными. Это уже не реалистическая теория причинности, ведь она лишает все остальное в мире любой возможности с чем-то соприкоснуться. Чего точно не хватает в 2030 году, так это теории замещающей причинности³⁰, объясняющей, как деревья, звезды, армии, харизматические лидеры существуют каждый в своей замкнутой реальности отдельно от всех способностей, но тем не менее будучи при этом способными воздействовать друг на друга. И это центральная проблема объектно-ориентированной онтологии.

Библиография

- Badiou A. *Theoretical Writings*. L.: Athlone, 2004.
- DeLanda M. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. L.: Continuum, 2006.
- DeLanda M. *Intensive Science and Virtual Philosophy*. L.: Continuum, 2002.
- Harman G. *Heidegger Explained: From Phenomenon to Thing*. Chicago; La Salle, IL: Open Court, 2007.
- Harman G. *Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics*. Melbourne: re:press, 2009.
- Latour B. *An Inquiry Into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013.

30. См.: Харман Г. О замещающей причинности / Пер. с англ. А. Маркова // Новое литературное обозрение. 2012. № 2 (114). С. 75–90. — *Прим. пер.*

- Latour B. Enquête sur les modes d'existence. Une anthropologie des Modernes. P.: La Découverte, 2012.
- Latour B. Politics of Nature: How to Bring the Sciences Into Democracy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.
- Žižek S., Daly G. Conversations With Žižek. Cambridge: Polity Press, 2004.
- Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015.
- Серр М. Теория квази-объектов // Сигма. 05.06.2015. URL: <http://syg.ma/@alieksandr-14/mishiel-sierr-o-kvazi-obiektakh>.
- Харман Г. Государь сетей: Бруно Латур и метафизика // Логос. 2014. № 4 (100). С. 229–248.
- Харман Г. О замещающей причинности // Новое литературное обозрение. 2012. № 2 (114). С. 75–90.

NETWORKS AND ASSEMBLAGES: THE REBIRTH OF THINGS IN LATOUR AND DELANDA

GRAHAM HARMAN. Professor, gharman@aucegypt.edu.
Philosophy Department, American University in Cairo (AUC), AUC ave., P. O.
Box 74, 11835 New Cairo, Egypt.

Keywords: assemblage; catalysis; virtual; network; actor; flat ontology.

This article is dedicated to the juxtaposition between the philosophies of Manuel DeLanda and Bruno Latour against the backdrop of realism and the rehabilitation of things. The author begins by introducing both thinkers, and then goes on to present and compare their positions. If realism is not in decline, then it is on the periphery of the philosophical mainstream, and DeLanda is presented here as one of its rare proponents. While Latour is not a realist, he is nonetheless special in light of his attention to objects and their activity. The author himself qualifies his position as “realist formalism.” He begins his presentation of DeLanda’s philosophy by exposing five basic components of his flat ontology. In addition to realism, these are anti-essentialism; nominalism and historicism of species, and virtualism of genus; theory of catalysis and non-linear causality; and finally, the quadruple world. The last component is made up of two axes, the material-expressive and the territorialization-deterritorialization. After critically considering the realist tradition, DeLanda to replace the opposition “substance-aggregate” with the notion of assemblage. This central concept is defined by a specific theory of relations between part and whole.

Latour’s ideas are discussed and compared with DeLanda’s philosophy along the same points. According to the author, what is missing in Latour’s approach is a comprehensive theory of causation. Latour differs from DeLanda in questions concerning realism and virtuality; Latour is a pure actualist. The final part of the article discusses a thought experiment in which the author tries to imagine a possible future, where DeLanda’s and Latour’s ideas have become mainstream philosophy. This would be a dominance of realist flat ontologies, the Achilles heel of which would be a theory of causation.

DOI: 10.22394/0869-5377-2017-3-1-32

References

- Badiou A. *Theoretical Writings*, London, Athlone, 2004.
- DeLanda M. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*, London, Continuum, 2006.
- DeLanda M. *Intensive Science and Virtual Philosophy*, London, Continuum, 2002.
- Harman G. *Gosudar’ setei: Bruno Latour i metafizika* [Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics]. Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2014, no. 4 (100), pp. 229–248.
- Harman G. *Heidegger Explained: From Phenomenon to Thing*, Chicago, La Salle, IL, Open Court, 2007.
- Harman G. O zameshchaiushchei prichinnosti [On Vicarious Causality]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2012, no. 114, pp. 75–90.

- Harman G. *Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics*, Melbourne, re:press, 2009.
- Latour B. *Inquiry Into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2013.
- Latour B. *Enquête sur les modes d'existence. Une anthropologie des Modernes*, Paris, La Découverte, 2012.
- Latour B. *Politics of Nature: How to Bring the Sciences Into Democracy*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2004.
- Meillassoux Q. Posle konechnosti. Esse o neobkhodimosti kontingentnosti [Après la finitude: Essai sur la nécessité de la contingence], Yekaterinburg, Moscow, Kabinetnyi uchenyi, 2015.
- Serres M. Teoriia kvazi-ob'ektov [Theory of the Quasi-Object]. *Sygma*, June 5, 2015. Available at: <http://syg.ma/@aliexandr-14/mishiel-sierr-o-kvazi-obiektakh>.
- Žižek S., Daly G. *Conversations With Žižek*, Cambridge, Polity Press, 2004.